

ЗМЕСТ НУМАРА

ЛІСТАЦІОНАЯ РЕДАКТАВА

3 А. Сачанка. ЗАПРАГІМА ПАРКУ-ТРОЙКУ ВАРАНЫХ

ЯКАСЦЬ АДКАЗАННЯ

4 Т. Козловская. ВО ВЕСЬ ГОЛОС!

БЯСПЕКА ЖЫЦЦЯ ДЗЕЙНАСЦІ

7 Л. Лаптыко. МЫ ІДЁМ НА ПОМОЩЬ К ВАМ!

10 Л. Дыдышко, Е. Новик, Н. Ракша. ЮНЫЕ СПАСАТЕЛИ СПЕШАТ НА ПОМОЩЬ

13 ЕСЛИ СЛУЧИТСЯ ПОЖАР

15 Т. Сизова. В БОРЬБЕ С ОГНЁМ!

ДАКУМЕНТЫ

16 О ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЙ И ДОПОЛНЕНИЙ В ПОСТАНОВЛЕНИЕ МИНИСТЕРСТВА ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ ОТ 25 ИЮЛЯ 2011 г. № 150

ІНФАРМАЦЫЯ. ХРОНІКА

17 СТВАРЫШЬ УМОВЫ ДЛЯ ТАЛЕНАВІТАЙ МОЛАДЗІ

18 МЕНЮ СТВАРАЕ АўТАМАТЫЗАВАНАЯ СІСТЭМА

АЗВУКОУНІК БЕРАЖАЎНЫХ

20 Т. Грибок. ПОЧЕМУ ВОДУ НУЖНО БЕРЕЧЬ?

21 ЧТО МЫ ЗНАЕМ О ВОДЕ

23 КОМУ НУЖНА ВОДА

ЗДАРОУЕЗБЕРАЖЭННЕ

25 С. Райбе. МОЙ СОВЕТ СОВСЕМ НЕСЛОЖНЫЙ

ВУЧОНЫЯ — ПРАКТЫКАМ

27 Г. Гордшык. В ТВОРЧЕСКОМ ПОИСКЕ КАЖДЫЙ

30 Я. Коломинский. НУЖНА СЕРЬЁЗНАЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

34 О. Леганькова, А. Стежко. НАСКОЛЬКО ЭФФЕКТИВНО РОДИТЕЛЬСТВО?

36 Е. Чеснокова. ПРИНИМАЕМ ТАКИМ, КАК ЕСТЬ

38 А. Ковалевская. СОГЛАСОВАННОСТЬ НУЖНА ВСЕГДА

КАРЭКЦЫЙНАЯ ПЕДАГОГІКА

41 Ю. Коляда. КОГДА ДЕРЕВЬЯ СТАНУТ ДЕРЕВЬЯМИ

ЖЫВЁМ У БЕЛАРУСІ

44 Ж. Хахлова. ЯЕ МЫ БУДЗЕМ ШАНАВАЦЬ

49 Н. Хадановіч. ПРЫКЛАДНАЕ ПЕРСПЕКТЫўНА-ТЭМАТЫЧНАЕ ПЛАНАВАННЕ РАБОТЫ ПА МАСТАЦКА-МАўЛЕНЧАЙ ДЗЕЙНАСЦІ ДЛЯ ДЗЯЦЕЙ СТАРШАЙ ГРУПЫ

52 Н. Пауцяная. ВЯСЁЛЫЯ ГУЛЬНІ БЕЛАРУСАў

53 С. Казлоўская. НАШ ГОСЦЬ — ВЯСЁЛКІН

54 А. Яўсеенка. ЗАПРАШАЕМ НА КАЛЯДКІ

56 ГУКАННЕ ВЯСНЫ

НАВІНЫ У НУМАР

57 ДЛЯ МАЛЕНЬКІХ САЛІГАРЧАН

МАЙСТАР-КЛАС

58 Е. Чудакова. УЧИМ ДЕТЕЙ РАССКАЗЫВАТЬ

МУЗЫЧНАМУ КІРАўНІКУ

63 Ж. Вишнякова. НОВЫЙ ГОД ЛОШАДКОЙ СКАЧЕТ

66 Е. Клишевич. ВАРЕЖКА ДЕДА МОРОЗА

68 Г. Листопадова. НОВЫЙ ГОД И ЕГО ДРУЗЬЯ

ЗДАРОУЕЗБЕРАЖЭННЕ

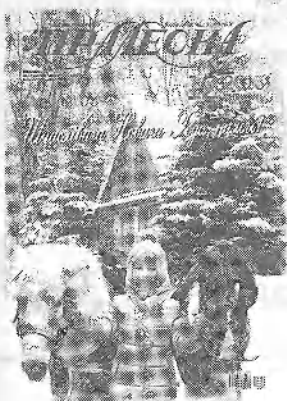
72 А. Сухарева. ПЯТЬ НАШИХ ПОМОЩНИКОВ: НОС

73 «ВУСЛЯНКА». БАЦЬКОўСКІ КЛУБ «ПРАЛЕСКІ»

74 «АЛЕСЯ». ВІПУСК ДЛЯ ЖАНЧЫН І ПРА ЖАНЧЫН

76 ГАРАСКОП - 014

77 МАТЭРЫЯЛЫ, ЗМЕШЧАНЫЯ У ЧАСОПІСЕ ЗА 2013 ГОД

На першай старонцы вокладкі:

у выхаванкі ясляў-сада № 434 горада Мінска Сафіі Меляшкевіч любімае захапленне — коні-поні, таму надыходзячы 2014 год, безумоўна, будзе для дзяўчынкі шчаслівым.

Матэрыялы ў рэдакцыю павінны быць набраны на камп'ютары, рысункі, фотаздымкі разборліва падпісаны адваротнага боку. Адрэзаныя неабходна дакладна і поўна паведамляць сваё прозвішча, імя і імя па бацьку, паштовы індэкс, хатні адрас, тэлефон, пасаду, пашпартны нумар і дадзеныя (стар. 31, 33 — серыя, нумар, калі і кім выдадзены, сабысты нумар грамадзяніна). Рукапісы па пошце не вяртаюцца. Аб'ём рукапісаў — не больш за 15 старонак фармату А4.

У адпаведнасці са сваім Статутам рэдакцыя пакідае за сабой права на рэдагаванне, скарачэнне матэрыялаў, змену іх загалоўкаў і не вядзе перапіску з аўтарамі. Пункт погляду рэдакцыі не заўсёды супадае з пунктам погляду аўтара. У адпаведнасці з законам аб друку, за дакладнасць прыведзеных у публікацыях фактаў і цытат адказнасць нясуць аўтары. Перапоны некаторых слоў зроблены паводле магчымасцей камп'ютара.

У выпадку паліграфічнага браку з'яўляцца ў Дзяржаўнае прадпрыемства «Выдавецтва "Беларускі дом друку"», пры непастаўцы часопіса ў аддзяленне сувязі.

Матэрыялы, якія маюць рэкламны характар, пазначаны значком За змест рэкламы адказваюць рэкламадаўцы. Цэны на рэкламу дагаворныя.

Яков КОЛОМИНСКИЙ,
доктор психологических наук,
профессор

Первым заведующим кафедрой общей и детской психологии в 1978 году был избран Я.А. Коломинский. Неопеним вклад доктора психол. и психол. наук, профессора академика Белорусской академии образования нашей страны Балтийской педагогической и ряда других зарубежных академий, заслуженного деятеля науки Республики Беларусь в становлении и развитии творческого процесса на кафедре. Приятно отметить, что Яков Львович — давний автор и научный консультант нашего журнала. Читатели статьи о роли практической психологии, уверены, что она заинтересует наших читателей, как и все предыдущие его работы.

НУЖНА СЕРЬЁЗНАЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

*Старательно мы наблюдаем свет,
Старательно людей мы наблюдаем
И чудеса постигнуть уповаем:
Какой же плод науки долгих лет?
Что, наконец, подсмотрят очи зорки?
Что, наконец, поймёт надменный ум
На высоте всех опытов и дум.
Что? Точный смысл народной поговорки.*

Евгений Баратынский

ИНТЕНСИВНОЕ развитие практической психологии — вещь хорошая и в то же время опасная. Людей, которые выпускают из бутылки джина, всегда тревожит, что за этим последует. Но, высказывая подобное предостережение, хочу вместе с тем отметить: уровень развития практической психологии в Беларуси достаточно высок.

Когда-то в ходе Международного конгресса по прикладной психологии в Сан-Франциско на одной из секций было предложено ответить на вопрос: как ООН содействует развитию психологии? Оценка оказалась единодушной: слабо. Когда же я рассказал о том, что в нашей стране должность практического психолога на всех этапах образования закреплена законодательно, что в вузах ведётся подготовка большой группы практических психологов, а в свет выходит журнал «Психология», зал разразился аплодисментами. Кстати, они оказались единственными, которые, если не считать процедуры открытия и закрытия, прозвучали на конгрессе.

Однако вернёмся к реалиям и, как говорят мои очень образованные аспиранты, попробуем отрефлексировать, а попросту говоря, обдумать, осмыслить тот уровень развития практической психологии, на котором мы находимся, чтобы понять, как и что следует делать дальше; какими должны быть методологические и теоретические основы практической деятельности психолога; как нужно готовить практического психолога и в какой ситуации он находится и должен находиться в педагогических коллективах тех учебных заведений и учреждений, где работает.

Мне кажется, в этой связи полезно рассмотреть и вопрос о психологической культуре личности, являющейся, во-первых, условием, а во-вторых — целью деятельности практического психолога.

Прежде всего, несколько слов о самом понятии «психологическая культура личности». Дело в том, что очень часто те или иные слова и словосочетания от повседневного использования как бы утрачивают свой концептуальный, теоретический смысл. Вот и сегодня

на слуху множество выражений со словом «культура»: «экологическая культура», «эстетическая культура», «этическая культура», даже, если хотите, «культура гастрономическая» и т.д. о «психологической культуре» приходится слышать значительно реже. Ни в одном современном психологическом словаре вообще нет такого понятия. Некоторым намёки на него можно найти, жалуй, только в разного рода других определениях культуры, например, в Советском энциклопедическом словаре: «культура» от лат. «cultura», что означает «возделывание», «воспитание», «образование», «развитие», «чтение». «Это специфический способ организации и развития человеческой жизнедеятельности, представленный в продуктах материального и духовного труда, системе социальных норм, учений, духовных ценностях, —

«Так как восприятие деятельности человека зависят от его представлений, то его отношения к предметам целиком обусловлены языком. Тем самым актом, посредством которого он создаёт язык, человек отдаёт себя его власти: каждый язык описывает вокруг него, которому он принадлежит, из пределов которого можно выйти только в том случае, если вступаешь в другой круг».

В. Гумбольдт

вокупности отношений людей к природе, между собой, к самим себе». Как видно, в этой формулировке есть некоторые важные для нас культурно-психологические элементы.

Впрочем, может быть, содержательное краткое определение психологической культуры сформулировать пока вообще затруднительно, хотя, конечно, можно утверждать, что именно психологическая культура отражает определённый уровень самопознания человечества, уровень отношения человека к окружающим людям, к самим себе, к природе...

Но попробуем поступить иначе: проанализируем структуру психологической культуры, что может оказаться намного полезнее поиска самого краткого определения.

Прежде всего, отметим, что психологическая культура включает в себя два основных блока. Первый — теоретический (или теоретико-концептуальный), второй, который я называю практическим, связан с собственно психологической деятельностью. Первый охватывает результаты теоретической работы психологов, т.е. как раз те самые классические труды в области психологии, которые представляют собой корпус психологического самопознания. Кстати, очень интересное определение культуры содержится в учебнике «Психология», созданном сотрудниками Санкт-Петербургского университета (М., 1998): «Культура — это то, что люди делают с природой, делают с собой и делают с другими людьми и что они при этом думают и говорят».

Очень часто, правда, на этом останавливаются, добавляя: психологическая культура — это теория познания человеком самого себя. Но, согласитесь, этого мало. Ведь в состав психологической культуры нужно включить и то, что можно назвать психологической деятельностью. А что это такое — психологическая деятельность? Деятельность по психологическому личностному самообслуживанию, т.е. та, которую человек обращает внутрь самого себя и которая обслуживает его собственный внутренний мир. Иными словами, деятельность са-

мопознания, связанная с формированием собственных внутренних инстанций, со способностью преодолевать те или иные внутренние трудности; деятельность, вынесенная за пределы личности, межличностная, которая тоже опосредуется психологической культурой.

Психологическую работу человека над собой как деятельность в частном случае очень выразительно определил Ф. Василук в своей книге о психологии переживания. Здесь он прямо говорит, что «переживание понимается нами как особая деятельность, особая работа по перестройке психологического мира, направленная на становление смыслового соответствия между сознанием и бытием» (Ф.Е. Василук. «Психология переживания». — М., 1984).

Итак, можно считать, что психологическая культура имеет два основных уровня. Теоретический, представленный психологией, психотерапией и теорией воздействия людей друг на друга, которую разработали специалисты, ставшую достоянием науки. Но есть и другой, так сказать, доконцептуальный, житейский уровень психологической культуры. Эту культуру народ создаёт до, без и помимо психологов. Факт очевидный: каждый человек — психолог, и каждый сам для себя — психологическая лаборатория. Чуть-чуть забегая вперёд, отмечу, что, на мой взгляд, формирование психологической культуры связано с выстраиванием методологических мостиков между тем опытом человека, в котором он выработал свою собственную психологическую культуру, и научным уровнем последней.

Чтобы прояснить, что я имею в виду, когда говорю о спонтанной психологической культуре и культуре книжной, теоретической, проведу маленькую аналогию. Мировая музыкальная культура представлена в произведениях великих композиторов, музыковедов, историков музыки и т.д. Ей учат в консерваториях. Но наряду с ней есть огромный пласт музыкальной культуры народа, который проявляется в песнях, частушках, во всём том, что и составляет его

музыкальную стихию. Эти два пласта музыкальной культуры очень интенсивно между собой взаимодействуют. Глинка говорил, что музыку создаёт народ, композиторы же её только преобразуют, аранжируют.

И психологию создаёт народ. Что же касается психологов, то они, в меру своих сил и возможностей, описывают, осмысливают, обобщают психологический опыт народа. Так что, если какой-то психологический феномен не представлен в народном творчестве, в фольклоре, в произведениях великих поэтов и писателей, если его во всём этом нет, значит, его нет вообще. Если то, что психолог формулирует в своих теориях, никак не представлено в реальной человеческой жизни, тем хуже для него. Житейская психологическая культура и культура книжная, теоретическая, очень сложно и интересно взаимодействуют между собой.

Такого рода взаимодействия мы наблюдаем, когда некоторые понятия психологии переходят с концептуального уровня на уровень повседневности, когда происходит, как красиво и сложно выражается А. Полонников, используя термин Б. Вальденфельса, «оповседневнивание».

«Язык служит руководством к восприятию социальной действительности... Мир, в котором живут общественные образования, говорящие на разных языках, представляет собой различные миры, а не один и тот же мир с различными этикетками...»

Э. Сепир

Пример. Если вы смотрите по телевидению американские фильмы (а вы их, конечно, смотрите, потому что порой просто больше нечего смотреть), то слышите огромное количество высказываний, связанных с психоанализом. К примеру, преступник потому совершил преступление, объясняют зрителям, что у него была жестокая мама или трудное детство, т.е. происходит постоянное движение вниз, в детство. Часто можно услышать и о разного рода комплексах: «у меня нет

комплекса неполноценности» или «комплекса вины» и т.п. Такого рода «прогрессивные» тенденции наблюдаются и у нас. Мне как-то довелось услышать следующее. Один человек говорил о другом так: «Он вообще комплексуй, а она комплексунья (или комплексуха)». Как раз это я и имел в виду, когда говорил о том, что некоторые понятия из научных теорий идут вниз и там активно используются. Правда, у нас такого рода движение выражено слабее. Просто наша наука ещё несёт на себе печать той доперестроечной психологии, когда говаривали, что у нас есть психология «уха-горла-носа», что же касается психологии личности, или социальной психологии, то она нам не очень-то интересна. (Кстати, вспомнились следующие слова Т. Лысенко: «В Советском Союзе люди не рождаются, у нас рождаются организмы, а потом мы уже из них делаем академиков...».)

Житейская психология существует в виде жизненных понятий и реальных обыденных способов индивидуальной саморегуляции, других форм психологической деятельности. Эти понятия обладают и своими свойствами, но в связи с тем, что их никто специально не создаёт, их и усваивают стихийно, в процессе непосредственного общения.

Само по себе изучение житейского психологического тезауруса, житейской психологической мудрости или житейской психологической нравственности, — важная и интересная задача. Её-то и должны решать практические психологи. Почему они? Да потому, что именно они работают не с учёными-психологами, а с детьми, родителями, т.е. с такими «потребителями», которые никогда психологию не изучали. Но для практического психолога вовсе не безразлично, каков этот уровень психологической предобразованности, в какую почву приходится «сеять». Говоря по-белорусски, «зерне падае не на каменне». Иными словами, зёрна нашей книжной мудрости падают на уже засеянную почву, и нужно понять, как эти стихии — книжная (теоретическая) и внутренняя (спонтанно-психологическая) — сосуществуют. Здесь можно опереться на очень интересную

концепцию социальных представлений замечательного французского психолога Сержа Московичи.

Социальные представления — это такие, которые сложились у народа относительно тех или иных социальных объектов. С. Московичи провёл блестящее исследование того, как, например, воспринимается, трактуется и концептуализируется психоанализ во Франции. Думается, и для нас это было бы тоже поучительно и интересно.

Итак, на основе изложенной концепции психологической культуры предлагаю сделать два следующих шага.

Первый связан с реализацией идеи о культурно-психологическом опосредовании межличностных взаимодействий во всех социальных системах. В самом этом понятии «культурно-психологическое» чувствуется влияние Л. Выготского с его культурно-исторической концепцией развития человеческой психики. Но культурно-исторический путь проходит не только психика, но и её отражение в психологических теориях и концепциях, что представляет ещё один аспект преодоления «постулата непосредственности».

«Каждому времени свои представления относительно того, обладает ли человек свободой выбора или же его поступки детерминированы извне, рационален он или иррационален, способен открыть истину или ему суждено жить в мире иллюзий. В конечном счёте, психологии приходится заниматься этими вопросами, чтобы не утратить своего авторитета. Плодотворная психологическая теория способна трансформировать представления общества в целом — как было, например, в случае психоанализа. Однако это может произойти только в том случае, если теории есть что сказать о том, что люди делают в реальных культурно значимых ситуациях».

У. Найссер

Дело в том, что если человек на эмпирическом уровне кажется, что он общается с собеседником без посредников, непосредственно, лицом к лицу или по-белорусски, «твар у твар» он ошибается: непосредственных межличностных контактов не существует. Все социальные контакты и акты коммуникации, кроме самых примитивных, витально обусловлены опосредованы тем слоем психологических знаний и представлений, которые есть у человека. Значит, между мной кем-то другим стоят мой и его слои представлений о том, что такое человек: добрый ли он природы или злой, что может себе позволить по отношению к нему... Два этих слоя определяют и наши отношения друг с другом, и наши воздействия друг на друга. Причём воздействия не только житейские, но профессиональные — и как психологов, и как педагогов.

Вообще-то психологическая культура существует в нескольких аспектах: общем (с формируемыми знаниями в области психологии, которые есть у любого человека) и профессионально-психологическом, т.е. как профессионально-психологическая культура педагога, врача, юриста, инженера. Подобные слои имеют все профессии. Психолог демонстрирует сказанное на примере педагогической модели.

Каковы взгляды взрослого человека на ребёнка и какое отношение к нему, так он с ним и поступает. Исторически фиксировано несколько типов детско-родительских отношений. Когда-то в древности был распространён такой стиль отношения к ребёнку, который позволял его убивать; в соответствии с христианско-кальвинистской моралью считалось, что ребёнок — результат греха, несущий в себе нечестивое начало, а потому цель воспитания — выбить из него эту неправедность. Отсюда и жестокость воспитательных воздействий. И, например, локковская «таблицы», согласно которой для ребёнка — «чистая доска», а воспитатель — демиург, который может всё, т.е. уже совершённое

другая педагогическая стратегия. Взгляды Руссо, связанные со «свободным воспитанием», основывались на том, что из рук творца всё выходит совершенным и всё портится в руках человека, — тоже совсем другое воспитание. Сегодня, когда исповедуются гуманистические психологические взгляды, диктующие помогающий стиль, воспитатель может абсолютно ничего теоретически об этом не знать, но подобные представления он впитал с молоком матери. В связи с вышеизложенным хочу возразить моему доброму товарищу И. Кону вот в каком отношении: Игорь Семёнович, ссылаясь на Демоза, рассматривает стили воспитания как исторически сменяющие друг друга. Я с этим не согласен. Ничего подобного не происходит. Разные стили сосуществуют. Современная уголовная хроника вполне это демонстрирует: здесь есть и убивающий по отношению к ребёнку стиль, и бросающий, и жестокий... Все эти стили живы до сих пор. И надо понимать, что они есть, чтобы на их место поставить прогрессивные, гуманистические подходы по отношению к ребёнку.

Практический психолог — человек своего времени, и то, как он воздействует на людей, какие применяет психотерапевтические техники, зависит не только от его теоретических убеждений, но и от того образа человека, носителем которого он является. И, конечно же, психолог, исповедующий психоанализ (в котором доминирует образ «человека желающего»), будет относиться к людям иначе, чем психолог, исповедующий бихевиористскую модель (где доминирует образ человека «механического, реагирующего»), или психолог, сторонник когнитивной модели с образом «человека познающего», или гуманистической, с образом «человека сочувствующего» и т.д.

При работе психолога с людьми между ними всегда стоит культурно-психологическая концепция, которую он, может, даже и не осознаёт. Ведь фактически что такое психотерапия?

Это деятельность, связанная с формированием у человека (имеющего свои стихийные психологические взгляды и психотерапевтические ожидания) определённой психологической культуры. Психолог опосредует поведение человека. Психотерапевт навязывает ему свою концепцию, свой психотерапевтический взгляд.

Например, независимо от того, верен психоанализ или нет, мы знаем, что некоторым людям он помогает. Почему? Потому что психоаналитик перевоспитывает клиента. Он навязывает ему психоаналитический взгляд и на себя самого, и на окружающих. Точно так же перевоспитывают клиента и бихевиористы, и гештальтисты, и все остальные психотерапевты, превращая своего клиента в союзника, а если этого нет, если у клиента и психотерапевта разные культурно-психологические представления или, как говорил К. Юнг, разное психологическое мировоззрение, — столкнуться они не смогут.

После того как я произнёс слово «столкнуться», хочу сделать второй шаг. В теории культурно-психологического опосредования он связан с освоением в психологическом

плане теории лингвистической относительности. Так, в известной теории Селира-Уорфа, восходящей ещё к Гумбольдту, речь идёт о том, что человек, говорящий на определённом языке, и мир воспринимает в категориях данного языка. Так что родной язык — не просто техническое средство. Речь определяет наше отношение к миру, а значит, нужно понять, что культурно-психологическая относительность существует, т.е. есть корпус культурно-психологических понятий и представлений, посредством которых личность общается и взаимодействует с другой личностью. Теперь несколько слов о целях деятельности практического психолога. Они в общем-то очевидны: психологическое образование, формирование психологической культуры учеников, родителей, всего населения. Подобно тому римскому сенатору, который заканчивал любое своё выступление словами: «Карфаген должен быть разрушен!», я скажу то, что всегда говорю и буду говорить: школе нужны серьёзная психологическая культура, психология как учебный предмет и воспитание психологической культуры личности.

СТИЛИ ВОСПИТАНИЯ (по Л. Демозу. «История детства»)

1. Инфантицидный стиль (до IV в. н.э.): детоубийства. Стиль — Медея.
2. Бросающий стиль (IV—XIII вв.): младенца сбывали кормилице, в монастырь, в чужую семью.
3. Амбивалентный стиль (XIV—XVII вв.): ребёнку уже дозволено войти в эмоциональную жизнь родителей, но ему ещё отказывают в самостоятельном духовном существовании. Если ребёнок сопротивляется, его беспощадно бьют, «выколачивая» своеволие как злое начало.
4. Навязчивый стиль (XVIII в.): ребёнка уже не считают опасным существом, родители к нему значительно ближе. Однако стремление полностью контролировать не только поведение, но и внутренний мир, мысли и волю ребёнка усиливает конфликты отцов и детей.
5. Социализирующий стиль (XIX — середина XX вв.): цель воспитания — не столько завоевание и подчинение ребёнка, сколько тренировка его воли, подготовка к будущей самостоятельной жизни. Ребёнок — объект социализации.
6. Помогаящий стиль (с середины XX в.): ребёнок лучше родителей знает, что ему нужно на каждой стадии жизни. Важно не столько дисциплинировать или формировать его личность, сколько помогать его индивидуальному развитию. Отсюда стремление к эмоциональной близости, пониманию, эмпатии.